

О. И. Глазунова

ОБ «АКТИВНОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» И СИСТЕМНОМ ОПИСАНИИ ЛЕКСИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В 2014 году была завершена работа над первыми двумя томами «Активного словаря русского языка» (отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян). Опираясь на опыт зарубежных и российских лексикологов в системном описании лексики и создании словарей такого типа, авторы разработали структуру словарной статьи, в которой учитываются характеристики слова, наиболее существенные для построения речи.

Представленные в Словаре сведения, а также предложенный вариант организации словарных статей свидетельствуют о том, что в своей работе авторы использовали принципы лингвистического анализа и описания языка, которые разрабатываются в рамках теории и методики обучения русскому языку как иностранному; и этот факт позволяет говорить о том, что в настоящее время опыт научных исследований по русскому как иностранному может найти применение в тех областях языкознания, которые раньше с ними связаны не были. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: активный словарь, построение речи, системное описание лексики, лексико-семантическая сочетаемость, методика преподавания русского как иностранного.

ON THE “ACTIVE DICTIONARY OF RUSSIAN” AND DESCRIPTION OF THE LANGUAGE: THEORY AND METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

O. I. Glazunova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In 2014 the work on the first two volumes of “Active dictionary of Russian” (Editor-in-chief: Acad. Yu. D. Апресян) was completed. Based on the experience of the European and Russian lexicologists as to how describe a language as a system and create dictionaries of this kind, the authors developed a dictionary entry which comprises information on linguistic features of words essential for speech production.

The information presented in the dictionary and the system of dictionary entries, in many respects, reflect the principles of linguistic analysis and language description which have been developed within the theory and methods of teaching Russian as a foreign language. This allows us to state that the experience of researches in the field of Russian as a foreign language can be extrapolated to linguistic research in other fields. Refs 28.

Keywords: active dictionary, speech production, description of a language as a system, lexical compatibility, theory and methods of teaching Russian as a foreign language.

В 2014 году вышли из печати два первых тома «Активного словаря русского языка» под редакцией акад. Ю. Д. Апресяна. Над созданием словаря работала команда высокопрофессиональных лингвистов¹, а потому вполне естественно, что он должен был привлечь пристальное внимание.

Идея системного описания лексики, которая легла в основу словаря, чрезвычайно актуальна. В отличие от широко распространенных пассивных словарей,

¹ Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова и др.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

которые содержат сведения, необходимые для понимания значения слов в тексте, задача активного словаря, по словам авторов, заключается в том, чтобы «обеспечить нужды говорения, или, более широко, нужды производства текстов» [Активный словарь русского языка, т. 1, с. 6]. В процессе работы авторы опирались на опыт европейских лексикологов, а также на «Словарь сочетаемости слов русского языка».

«Словарь сочетаемости слов русского языка» был издан в 1978 году в Москве под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. Он предназначался для преподавателей русского языка как неродного и специалистов-филологов и стал наиболее полным лексикографическим описанием построения словосочетаний в русском языке. В словарь вошло около 2500 словарных статей с существительными, прилагательными и глаголами в качестве заголовочных слов. В аннотации говорилось о том, что при создании словаря использовались как объективные критерии (частотные списки), так и коллективная оценка слова с точки зрения его тематической, ситуационной и сочетательной ценности.

В отличие от «Словаря сочетаемости», «Активный словарь» рассчитан на носителей языка: школьных учителей, редакторов, переводчиков, а также всех, кто стремится правильно говорить по-русски; его лексическая база значительно расширена, предусматривается более детальное толкование значений. Вместе с тем оба словаря ориентированы на развитие коммуникативных навыков, в силу чего между ними есть много общего.

На примере прилагательного *активный*, которое представлено в двух словарях, рассмотрим, что входит в состав словарной статьи и на что обращают внимание авторы. Начнем со «Словаря сочетаемости слов русского языка»:

АКТИВНЫЙ, активная, активное, активные; кратк. ф. активен, активна, активно, активны.

Энергичный, интенсивный.

Помощник, участник чего-л., член чего-л., деятель чего-л., борец за что-л., борьба, деятельность, действия, оборона, роль, участие в чём-л., сила, воздействие, вмешательство, изучение чего-л. (языка ...), отдых ...

Активен в чём: ~ в работе, в [своих] действиях, в проявлении чего-л., во всём ... Активен где: (предлог «в» с предл.) ~ в аудитории, в классе ...; (предлог «на» с предл.) ~ на уроках, на занятиях, на собраниях ...

Очень, довольно, достаточно, исключительно, наиболее ... активный.

Быть, стать, казаться, оставаться ... активным. Кто-л. активный/активен; что-л. активное/активно.

О Советские учителя принимают активное участие в общественной жизни страны. Активные методы изучения языка вошли в школьную практику.

Δ Активный словарь; активный запас слов — слова языка, которые наиболее часто употребляются в речи.

Кроме значения прилагательного, переданного с помощью синонимов, в словарной статье присутствует информация 1) о существительных, которые чаще всего с ним сочетаются (*помощник, участник*); 2) о вариантах предложно-падежных конструкций, которыми управляет данное слово (*активен в чем?/где?: в работе, на*

занятиях²); 3) о вариантах его сочетаемости по способу примыкания (*очень активный*) и использовании в составе именного сказуемого (*быть активным*). Примеры употребления слова приведены в составе как свободных, так и идиоматических словосочетаний (*активный словарь*) [Словарь сочетаемости слов русского языка, с. 17].

Если в «Словаре сочетаемости» словарная статья включает 5 основных позиций, то «Активный словарь», по словам авторов, предусматривает 14 зон описания, среди которых наиболее интересными представляются: «аналитическое толкование лексемы, выполняемое на специальном метаязыке», «правила его семантической модификации в контексте других единиц языка — лексических, синтаксических, грамматических и просодических; сюда же входит и информация о типовых сдвинутых употреблениях лексемы (образных, расширенных, метонимических и т. п.)» и «коннотации» [Итоговый отчет о работе по Программе фундаментальных исследований]. Очевидно, что структура словарной статьи содержит самые разные лексико-семантические и синтаксические характеристики лексемы.

Прилагательное *активный* в «Активном словаре» описывается как имеющее восемь значений:

1.1. 'Такой, который все время и с большой энергией что-то делает, особенно для успеха деятельности А2 или деятельности в области А2': *активный ребенок, активные партии, активные участники, активные граждане*.

1.2. 'Такой, который проявляется в действии': *активная доброта, активная жизненная позиция*.

1.3. 'Такой, который включает в себя интенсивные действия': *активный отдых, активная жизнь, активные методы допроса, активные поиски, активная игра, активная подготовка*.

2.1. 'Такой, в котором протекает интенсивный процесс или который протекает интенсивно': *активный процесс, активный рынок, активная реакция, активный вулкан*.

2.2. 'Такой, который способен к интенсивному взаимодействию с чем-л.': *активные молекулы, биологически активные добавки, активные красители*.

3. 'Такой, в котором доходная часть превышает расходную, и поэтому оцениваемый положительно' [преим. со словом *баланс*]: *активный баланс*.

4.1. 'Такой, который постоянно используется человеком при общении с другими людьми' [о словах или словарном запасе человека]: *активный словарь, активный словарный запас человека, активное знание языка*.

4.2. 'Выполняемый или используемый в данный момент': *активный экран, активное окно, активная ячейка, активный доступ к базе данных* [Активный словарь русского языка, т. 1, с. 65–66].

С одной стороны, обращает на себя внимание тот факт, что в представленном перечне некоторые значения дублируют друг друга. Например, словосочетание *активные молекулы* в равной степени может относиться к пунктам 1.2. и 2.2. С другой стороны, целый ряд актуальных для носителей языка словосочетаний в этот перечень не вошел, а те, что вошли, нечасто используются на практике. Так, из отвлеченных

² В словарной статье «Активного словаря» варианты управления с предлогом *на* (*на уроках, на занятиях, на собраниях*) отсутствуют. Возможно, эта информация об употреблении данного слова не столь значима для носителей языка, но для таких слов, как, например, *опыт*, она представляется необходимой (*опыт в создании, опыт по созданию*).

ченных существительных со значением состояния субъекта, образованных с помощью суффиксов *-ость, -ота, -ени-* и др. или без суффикса (*смелость, нежность, терпение, страх*), с прилагательным *активный* в значении 1.2 сочетаются лишь единицы, и эти словосочетания к частотным не относятся³.

На наш взгляд, представленные в словаре восемь пунктов толкований прилагательного *активный* можно свести к трем вариантам оценки по данному признаку со стороны носителей языка: **I. Оценка поведения/состояния** — 1.1; 1.3; 2.1; 3; **II. Оценка потенциального воздействия:** 1.2; 2.2; 3; **III. Оценка вариантов использования:** 4.1; 4.2. Исходя из этого, значение прилагательного *активный* можно выразить следующим образом: *Активный* — ‘тот, который пребывает/проявляется в действиях (активных состояниях) или характеризуется действиями (активными состояниями)’.

При таком подходе некоторые словосочетания могут попадать сразу в несколько рубрик. В рассматриваемой нами словарной статье это словосочетание *активный баланс*, в котором находят проявление два вида оценки: оценка состояния («доходная часть превышает расходную») + оценка потенциального воздействия («оцениваемый положительно»). Последний пункт (оценка потенциального воздействия) имеет принципиальное значение: слово *действие*, которое в «Активном словаре» составляет интегральный элемент трактовки прилагательного *активный*, в традиционном Толковом словаре включает и толкование «Влияние, воздействие. *Благотворное д. солнца на организм. Вредное д. больших скоростей на механизм*» [Большой толковый словарь русского языка, с. 246].

Не вызывает сомнений тот факт, что при составлении словарной статьи приоритетное значение должна иметь степень достоверности представленного материала, а потому принцип перечисления является наиболее объективным способом презентации. Однако для сознания человека (в отличие от компьютерной программы) выбранная модель имеет существенные недостатки в силу отсутствия оценочного фактора, играющего чрезвычайно важную роль при использовании лексики. Значение слова реализуется в процессе коммуникации и верифицируется на основе оценки со стороны субъекта восприятия потенциальных сфер его применения. Оценка опирается на заложенные в сознании процессы сопоставления и анализа полученной информации, поэтому в словарной статье, которая, согласно авторам «Активного словаря», должна нацеливать говорящих на производство речи, оценочный фактор представляется гораздо более значимым, чем описание механических особенностей протекания действия.

Если рассматривать словосочетание *активный отдых* с точки зрения потенциального пользователя, то, кроме значения (1.3) ‘такой, который включает в себя интенсивные действия’, его можно отнести к предыдущему толкованию (1.2): ‘такой, который проявляется в действии’. Очевидно, что при употреблении прилагательного *активный* в сочетании с существительными *отдых, борьба* говорящий учитыва-

³ В «Национальном корпусе русского языка» — электронном собрании русских текстов XIX–XXI вв. — словосочетание *активная жизненная позиция* представлено всего 14 примерами, а словосочетание *активная доброта* вообще отсутствует. Слово *доброта* включает чувственный аспект значения, для характеристики которого прилагательное *активный* не предназначено. В данном случае речь может идти скорее об окказиональном употреблении. Не случайно словосочетание *активная реакция* в словарной статье отнесено к пункту 2.1. в значении ‘превращение вещества’.

ет не только внутренние факторы (значение слова, в котором описывается способ осуществления действий), но и внешние — их потенциальную оценку со стороны субъекта восприятия. Таким образом, если для непосредственного участника активного отдыха (субъекта действия) имеет значение интенсивность составляющих его действий; то для остальных на первый план выходят его системные показатели: чем данный вид отдыха отличается от других, пассивных с точки зрения физических возможностей человека.

Также стоит отметить, что в словаре не содержится указаний на то, что прилагательное *активной* можно использовать и при описании мыслительной и эмоциональной сфер деятельности человека, хотя словосочетания *активное мышление, активная умственная работа, активное переживание* находят широкое применение в речи. Если проанализировать особенности сочетания прилагательного *активный* с существительными, обозначающими мыслительную деятельность человека и особенности проявления его душевного состояния, можно прийти к следующим выводам:

1) Прилагательное *активный* образует связь с абстрактными существительными, обозначающими состояния и чувства: *переживания, эмоции, интерес*.

2) При выражении конкретного состояния человека *активный* сочетается с существительными, значение которых подразумевает направленные вовне формы проявления: *раздражение, негодование, интерес, любопытство, отвращение, пренебрежение, симпатии* и др.

3) С существительными, значение которых не выходит за рамки внутреннего мира человека (*радость, грусть, обида, надежда, страх, ужас* и др.), *активный* не сочетается, что вполне естественно в силу значения прилагательного.

Роль субъекта в процессе построения речи чрезвычайно велика, но в словарях данный аспект, как правило, игнорируется, в то время как в процессе коммуникации он занимает ключевые позиции: интенции субъекта речи определяют смысл высказываний, даже если субъективный фактор не входит в значение языковой единицы, а проявляется имплицитно на уровне синтаксической конструкции.

Стоит отметить, что оценочный компонент реализации значения слова в «Активном словаре» учитывается, например, при толковании частиц *разве* и *неужели*: «*Неужели 1 А1?* ‘До момента речи говорящий считал, что не А1; в момент речи существуют факты или высказывания, позволяющие предполагать, что А1; прося адресата подтвердить или опровергнуть А1, говорящий сообщает адресату, что ему очень трудно поверить, что А1’ [акцент на ‘трудно поверить’]. *Разве 1 А1?* ‘До момента речи говорящий считал, что не А1; в момент речи существуют факты или высказывания, позволяющие предполагать, что А1; сомневаясь, что А1, говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть А1’ [акцент на просьбе к адресату]» [Активный словарь, т. 1, с. 20]. Таким образом, разница между частицами в словаре определяется отношением говорящего к излагаемой информации: *разве* выражает уверенность в нереальности или недопустимости того, о чем он сообщает (*Разве можно лгать? — лгать нельзя*); *неужели* передает сомнение в том, о чем сообщается (*Неужели он обманул нас? — этого не может быть*).

Не вполне свободная сочетаемость слов, которая легла в основу создания «Активного словаря», представляет собой чрезвычайно важный аспект исследования лексического состава языка. Вместе с тем любая научная работа в этой области

направлена на решение не только теоретических, но и практических задач. И в этом случае выбор цели обуславливает результаты исследования. По словам Ю. Д. Апресяна, в своей работе авторы «Активного словаря» опирались на теорию лексических функций (ЛФ) И. А. Мельчука [Мельчук]. «Главный тезис этой теории состоит в том, что в языках мира можно выделить несколько десятков значений высокого уровня абстракции, каждое из которых выражается большим классом слов» [Апресян, 2009, с. 126].

Языковая модель «Смысл ↔ Текст» предполагает пять основных уровней представления: семантический, синтаксический, морфологический, фонологический (фонемный) и фонетический, которые отображаются с помощью особого знакового кода. Например, значение 'очень' передаётся с помощью знака Magn, образованного от латинского 'magnus' (большой): Magn (брюнетка) = жгучая; Magn (рана) = глубокая; Magn (знать) = на зубок, как свои пять пальцев [Мельчук, с. 80].

Немаловажным является тот факт, что язык модели «Смысл ↔ Текст» разрабатывался под влиянием исследований в области автоматического перевода, анализа и синтеза текстов по принципу формального семантического описания, в котором применяется однозначная и логически последовательная символика. В качестве обязательного критерия, положенного в основу символического лингвистического кода, выдвигалось требование сделать возможным использование данной модели или её составляющих в вычислительной технике, в частности для обеспечения машинного перевода. И тут возникли проблемы: предложенная модель, как любая другая схема, отличается упрощением и не позволяет описывать сложную структурно-семантическую составляющую языковых структур должным образом.

Вместе с тем в силу системного характера языка у задач такого уровня должно быть логическое решение, должны существовать критерии, имеющие формальные способы выражения. Объективные показатели в правилах сочетаемости лексем обусловлены причинно-следственным характером развития языка и мышления; следовательно, их можно выявить в процессе аналитического исследования и представить в словаре таким образом, чтобы не возникало сомнений в правильности их использования.

Метод компонентного анализа значений в рамках системного изучения лексики включает не только дифференциальный подход, ориентированный на выявление системных парадигматических оппозиций, в которых состоит слово, но и интегральный подход, обуславливающий правила его сочетаемости⁴. Принцип интегрального описания языка, по словам авторов, лег в основу «Активного словаря»: «полное лексикографическое описание слова должно включать в себя характеристики его сочетаемостных ограничений — лексических, семантических или референционных» [Апресян, 1995, с. 300]. Однако ограничения существуют в рамках определенных правил и могут быть восприняты только в сопоставлении с ними. Отсюда следует, что не только ограничения, но и правила должны составлять предмет пристального внимания со стороны авторов «Активного словаря», ориентированного на обеспечение нужд говорения.

⁴ На необходимость пристального внимания к интегральным свойствам слова указывали А. Н. Шрамм, Ф. А. Литвин, В. Ф. Петренко, Н. В. Цветков, И. А. Стернин, Т. Виноград, М. В. Никитин и др.

К сожалению, в настоящее время этот аспект реализован в недостаточной степени. Информация систематизирующего характера, которая присутствует в разделе «Лексико-семантическая сочетаемость лексемы» словарной статьи, несмотря на свою особую значимость для производства речи, не выходит за рамки традиционных принципов описания лексического материала. Примеры словосочетаний даются исходя из формальных показателей и далеко не всегда сопровождаются пояснениями, что существенно снижает возможности их использования.

Рассмотрим, например, наречие *вполне*. Согласно «Активному словарю», его значение сводится к следующему: 'А1 в полной степени или в той степени, которая удовлетворяет говорящего' [о положительно оцениваемых свойствах или положениях дел] [Активный словарь, т. 2, с. 297]. Однако если мы рассмотрим ситуацию, в которой актер для создания образа должен носить грязную одежду (и именно этот признак воспринимается режиссером положительно), использование наречия *вполне* не представляется возможным, так как словосочетание *вполне грязный* не соответствует норме. В русском языке *вполне* употребляется в сочетании со словами «отчетливо положительной семантики»⁵, которая не определяется ситуацией. Следовательно, выражение «положительно оцениваемые свойства» в словарной статье использовано не вполне корректно.

Концепция словарей активного типа основывается на системной лексикографии [Апресян, 1995, с. 391], предполагающей описание значения лексем во всей полноте их парадигматических и синтагматических характеристик, которые проявляются в разного рода связях и отношениях друг с другом и составляют основу «семантических компетенций всех носителей языка» [Стернин, с. 33]. Например, наречия меры и степени *вполне* и *достаточно* в языке выражают относительную оценку, наречия *совершенно*, *совсем*, *абсолютно*, *полностью* указывают на ее абсолютный характер, а *очень*, *весьма* выступают в качестве нейтрального варианта обозначения высокой степени проявления признака.

Вхождение наречий в ту или иную группу обуславливает их использование в составе синтаксической конструкции: *Он вполне (достаточно) здоров, чтобы...*; *Он совершенно (совсем, абсолютно, полностью) здоров*. При этом каждая лексема обладает собственной лексико-семантической сочетаемостью. Если наречие *вполне* употребляется со словами положительной семантики (*вполне здоров* — **вполне болен*), то *достаточно* образует связи с лексемами, обладающими в сознании носителей языка как положительным, так и отрицательным значением (*достаточно здоров, чтобы выйти на работу* — *достаточно болен, чтобы обратиться за больничным*). *Вполне* не сочетается с наречиями, в то время как *достаточно* образует с ними словосочетания.

Несмотря на то что *совершенно* и *совсем* принадлежат к одной части речи, к одному количественному разряду наречий и даже имеют сходство в морфологическом строении, они обладают способностью сочетаться с разными лексемами⁶. Наречие *совсем* чаще всего образует словосочетания с качественными прилагательными и наречиями, которые описывают объективные характеристики объекта, имеющие визуальные

⁵ Термин В. Н. Топорова [Топоров, с. 25].

⁶ Об этом упоминает и Ю. Д. Апресян: «Что касается сочетаний типа ?*совсем* <*совершенно*> *высокий (столб)*, *абсолютно* <*идеально*> *длинный (ремень)*, то они представляются большинству информантов сомнительными или невозможными» [Апресян, 1995, с. 46].

формы проявления. К ним относятся внешность, рост, размер, возраст, структурные особенности и т.д.: *Потолок в комнате совсем низкий*; *Она ещё совсем маленькая* (разг. *совсем ребёнок*); «*То, чем я занимаюсь, не совсем чиновничья работа*» (из газеты). А наречие *совершенно*, в силу семантики корневой морфемы, чаще употребляется с лексемами, которые раскрывают внутренние или субъективные качества, указывая на высшую степень проявления признака: *Он совершенно замечательный врач*; *Она совершенно легкомысленный человек*. Сравните: *совершенно секретно (точно, ясно, серьёзно, грамотно, изумительно)*; *совершенно отвратительный(-о) (грубый(-о))*; *совершенно солёный суп* (его нельзя есть), *совершенно жидкий чай* (его нельзя пить). Соответственно предложение *Он совсем больной* предназначено для описания физического состояния человека, а в предложении *Он совершенно больной* возможна актуализация другого аспекта значения: *больной* — ‘неадекватный’ [Глазунова, 2001].

Наречие *совсем* сочетается и с качественными прилагательными внутренней субъективной семантики, однако в этом случае они, как правило, обладают негативным значением: *совсем бедный (глупый, грязный)*. Безусловно, язык — система подвижная и в нем далеко не все однозначно, однако правила использования слов в определенных контекстах могут быть выявлены.

По мнению Апресяна, «только предельные прилагательные обладают способностью сочетаться с наречиями типа *совсем, совершенно, абсолютно, идеально*, обозначающими полную степень признака» [Апресян, 1995, с. 46]. Смысл ‘полная степень’ в лексикографическом описании выполняет «лексическую функцию, семантически близкую к Magn», значение которого «при разных словах <...> выражается достаточно различными средствами» [Там же, с. 91]. Вопрос заключается в том, способен ли машинный интеллект определить, какое из наречий следует использовать в процессе реализации данной лексической функции в каждом конкретном случае.

При разграничении наречий могут быть использованы и формальные показатели. Наречия *совершенно* и *совсем* сочетаются со всеми качественными прилагательными и наречиями, которые используются с отрицательной частицей *не* или с приставками *без-* (*бес-*) и обладают положительным или отрицательным значением: *неожиданный(-о), невежливый(-о), неверный(-о), безнадежный(-о), бездарный(-о), бескорыстный(-о), безопасный(-о), бестолковый(-о)* и др. [Глазунова, 2014, с. 97–99].

Начиная со второй половины XX века проблемы сочетаемости слов в составе словосочетаний активно разрабатывались в рамках теории и методики преподавания русского языка как иностранного⁷. Системность презентации лексического и грамматического материала в рамках обучения русскому языку как иностранному подразумевает развитие осознанного овладения речью, которое, кроме знакомства с лексикой в рамках определенной темы, включает информацию о правилах взаимодействия языковой единицы с другими лексемами, обусловленных семантическими, морфологическими, синтаксическими и стилистическими ее характеристиками.

«Чтобы осознать, надо иметь то, что должно быть осознано» [Выготский, с. 191]. Знакомство с принципами взаимодействия языковых единиц с другими

⁷ См., например, работы И. П. Слесаревой, А. Ф. Колесниковой, Э. В. Кузнецовой, В. П. Абрамова, П. Н. Денисова, В. В. Морковкина и др.

лексемами в составе парадигматических рядов и образования синтагматических отношений составляют основу обучения русскому языку как иностранному. С точки зрения пользователя, особенно такого, у которого фоновые знания о языке отсутствуют или недостаточно развиты, системность представления лексики должна быть нацелена на выработку навыков образования синтагматических связей, что предполагает оценку возможного использования лексем в каждом конкретном случае на лексико-семантическом и синтаксическом уровне.

На уровне совершенствования лексико-грамматических навыков владения языком особое значение имеет комплексная презентация лексического и грамматического материала, а также разработка теоретических комментариев и системы языковых упражнений, которые учитывают возможные ошибки и направлены на их предупреждение. Достичь этого можно только с помощью создания учебно-методических материалов, в которых наряду со словарными значениями учитывалась бы предрасположенность к взаимодействию языковой единицы с другими лексемами, выраженная в обобщенной, логически выверенной и доступной для усвоения форме.

Для изучающих русский язык как иностранный такого рода материалы разработаны на разных языковых уровнях. Рассмотрим, например, способы образования форм прошедшего времени от инфинитивов с суффиксом *-ну-*. При обучении иностранцев перечисление глагольных форм, в которых сохраняется или утрачивается суффикс, не может служить достаточным основанием для усвоения темы. В отличие от носителей языка иностранцы нуждаются в предписаниях, основу которых составляют объективные показатели, например семантика глагольной лексемы.

У глаголов со значением достижения результата суффикс *-ну-* в формах прошедшего времени, как правило, отсутствует: *привык* (привыкнуть), *окреп* (окрепнуть), *ослеп* (ослепнуть), *проник* (проникнуть); у глаголов мгновенного или однократного действия он сохраняется: *дрогнул*, *мякнул*, *махнул*, *кивнул*. Для глаголов, которые совмещают в себе эти значения, возможно образование двух форм прошедшего времени: *достиг* (*достигнул*), *расторг* (*расторгнул*), *опроверг* (*опровергнул*) [Глазунова, 2015, с. 142–143]. Подобный подход дает возможность на примере одной лексемы получить представление об особенностях изменения глаголов определенного словообразовательного типа.

Надо сказать, что с проблемой выбора в языке сталкиваются не только иностранцы, но и носители языка. К сожалению, ни одна грамматика, ни одно справочное пособие, за исключением материалов по русскому языку как иностранному, данные вопросы не рассматривают, хотя исследования на эту тему приблизили бы нас к пониманию внутренних связей и принципов, которые обуславливают существование и развитие языка как системы.

На протяжении десятилетий в процессе поиска оптимальных форм презентации учебного материала специалисты по русскому языку как иностранному решали проблемы, которые в настоящее время встали перед авторами «Активного словаря»: «Мы говорим *крошечная тьма* и *мертвая тишина*, но не **мертвая тьма*, **крошечная тишина*; можно сказать *крепко спать* и *твердо знать*, но не **крепко знать* и **твердо спать*» [Апресян, 2009, с. 126]. Нет сомнений в том, что словарь укажет правильный вариант лексической сочетаемости, однако он не предложит объяснения того, почему одни конструкции в языке являются нормативными, а другие нет.

При создании концепции «Активного словаря» его авторы во многом следовали логике развития исследований по русскому языку как иностранному. Об этом свидетельствует, например, указание на недопустимость употребления словосочетания **войти во двор из дома* по сравнению с нормативным вариантом *войти в дом со двора*⁸ и тезис о том, что «большинство параметрических прилагательных со значением линейного размера, включая и прилагательные малого полюса, равно как и оба прилагательных “общего размера” *большой* и *маленький*, в краткой форме претерпевают семантический сдвиг вида ‘больше нормы Р’ ⇒ ‘слишком большой по Р для кого-то или чего-то’» [Апресян, 2008, с. 401; Апресян, 2009, с. 122]. У многих поставленных вопросов уже давно есть решения, однако в силу обособленного положения исследований по русскому языку как иностранному имеющиеся в этой сфере разработки при составлении словаря не учитывались.

Действительно, краткие прилагательные со значением размера в предложениях *Забор высок <низок>*; *Кровать широка (сюда не станет)* имеют тенденцию к указанию на размеры, несовместимые с описываемой ситуацией. Однако, кроме значений ‘больше нормы Р’ и ‘слишком большой по Р’, они способны передавать и другой смысл. Например, предложение *Он высок* в определенном контексте может указывать на достаточность: *Он высок (и вовсе не выглядит коротышкой)*.

Вызывает сомнение и такой тезис: «Прилагательные других семантических классов сохраняют свои обычные значения и в краткой форме; ср. *Он красив <умен, добр, талантлив>*» [Апресян, 2009, с. 122]. На самом деле это не так. Полные прилагательные этих классов выражают постоянный признак, а на значение кратких форм накладываются разного рода ограничения: например по времени (*Он больной человек — Он болен (его несколько дней не будет на работе)*), по возрасту (*Он умный — (Для своих лет) он умен*), по соответствию ситуации (*Он красивый (умный, добрый, талантливый) — Он красив (умен, добр, талантлив), (чтобы ...)*), по отношению к объекту со стороны субъекта речи (*Она красивая — (Для меня) она красива*) и т. д. [Глазунова, 2012, с. 109].

Сознанию человека доступны интуитивные представления о не вполне свободной лексической сочетаемости слов, которые сложились в процессе развития языка и поиска оптимальных вариантов языкового выражения. Для каждой ситуации и каждого значения грамотный носитель языка способен найти точную языковую форму воплощения. При этом далеко не всегда он сможет объяснить причину своего выбора: его ответ будет продиктован не правилами, а чувством языковой гармонии. В отличие от обычного человека специалисты по русскому языку как иностранному, рассматривая проблемы лексико-семантической сочетаемости слов, были вынуждены ориентироваться на объективные факторы, ведь только таким образом в условиях отсутствия фоновых знаний и чувства языковой гармонии можно было сформировать у учащихся представления о нормативном словоупотреблении.

Если исходить из того, что «Активный словарь» направлен на обеспечение нужд говорения и «производства текстов», в его создании существенную помощь могли бы оказать исследования в области русского языка как иностранного, которые изначально были нацелены на поиск закономерностей в употреблении лексем

⁸ Аналогично в методике обучения русскому языку как иностранному рассматривается разница между предлогами *в* и *на*.

в составе словосочетаний и предложений и создание алгоритмов, описывающих возможности применения полученных знаний на практике.

Литература

Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 1. А–Б. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.

Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 2. В–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

Абрамов В. П. Синтагматика семантического поля. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 112 с.

Апресян Ю. Д. Теоретические основы активного словаря русского языка // Вестник Российской Академии наук, 2008. Т. 78, № 5. С. 389–403.

Апресян Ю. Д. О проекте активного словаря русского языка // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2009. № 3 (56). С. 118–130.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Апресян Ю. Д. Итоговый отчет о работе по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (2009–2011 гг.). URL: <http://www.oifn-program.ru/files/otchety/final/apresjan.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.

Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М.: Прогресс, 1983. С. 123–170.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. 326 с.

Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях: в 2 ч. Ч. 1. Морфология. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 424 с.

Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях: в 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 2014. 416 с.

Глазунова О. И. Проблема выбора и вопросы сочетаемости единиц языка в речи (на примере экспликации повышенной степени проявления признака) // Обработка текста и когнитивные технологии. Матер. междунар. конф. «Когнитивное моделирование в лингвистике. СМЛ» в рамках Международного конгресса по искусственному интеллекту (ICAI-2001) (Дивноморское, сентябрь 2001 года). Казань: Отечество, 2001. С. 53–63.

Глазунова О. И. Русский язык и культура речи. Изд. 2-е, стер. М.: Кнорус, 2015. 248 с.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 252 с.

Колесникова А. Ф. Проблемы обучения русской лексике. М.: Русский язык, 1977. 80 с.

Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1980. 89 с.

Литвин Ф. А. Соотношение семантического и прагматического в содержании слова // Проблемы лексикологии. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973. С. 72–82.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика. Синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1999. 346 с.

Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд-во МГУ, 1977. 167 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.

Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983. 177 с.

Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М.: Либроком, 2010. 178 с.

Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1983. 688 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 138 с.

Топоров В. Н. Ведийский «вещный» космос («Слова и вещи»: язык как источник реконструкции мира вещей) // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и Иранские языки. Кн. 1. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 7–89.

Цветков Н.В. К методологии компонентного анализа // Вестник языкознания. 1984. № 2. С. 61–71.

Шрам А. Н. Структурные типы лексических значений слова // Филологические науки. 1981. № 2. С. 58–64.

Для цитирования: Глазунова О. И. Об «Активном словаре русского языка» и системном описании лексики с точки зрения теории и методики преподавания русского языка как иностранного // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 121–133. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.211

References

Aktivnyi slovar' russkogo iazyka [Active dictionary of the Russian language: In 2 v.]. Ed. by Y. D. Apresyan. T. 1. A–B. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014, 408 p. (In Russian)

Aktivnyi slovar' russkogo iazyka [Active dictionary of the Russian language: In 2 v.]. Ed. by Iu. D. Apresian. T. 2. V–G. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014, 736 p. (In Russian)

Abramov V. P. *Sintagmatika semanticheskogo polia* [Syntagmatics of the semantic field]. Rostov-na-Donu, Rostov Univ. Publ., 1992. 112 p. (In Russian)

Apresian Iu. D. Teoreticheskie osnovy aktivnogo slovaria russkogo iazyka [Theoretical foundations of the active dictionary of the Russian language]. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*, 2008, vol. 78, no. 5, pp. 389–403. (in Russian)

Apresian Iu. D. O proekte aktivnogo slovaria russkogo iazyka [About the project of Active dictionary of the Russian language]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Vestnik of Russian Foundation for Humanities]. Moscow, 2009, no. 3 (56), pp. 118–130. (In Russian)

Apresian Iu. D. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia [Integral description of a language and systematic lexicography]. Apresian Iu. D. *Izbrannye trudy. T. 2* [Selected works. Vol. 2]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», Publ., 1995, p. 767. (In Russian)

Apresyan Iu. D. *Itogovy otchet o rabote po Programme fundamental'nykh issledovaniia Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN «Genesis i vzaimodeistvie sotsial'nykh, kul'turnykh i iazykovykh obshchnosti» (2009–2011 gg.)* [Final report on the work of the Programme of fundamental research of the Department of historical and philological sciences of the RAS “Genesis and interaction of the social, cultural and language communities” (2009–2011)]. Available at: <http://www.oifn-program.ru/files/otchet/final/apresjan.pdf> (accessed 10.05.2015) (In Russian)

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Great Russian dictionary]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, NORINT Publ., 2000, 1536 p. (In Russian)

Vinograd T. K protsessual'nomu ponimaniuu semantiki [Towards procedural understanding of semantics]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in the foreign linguistics]. Vol. 12: Applied linguistics. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 123–170. (In Russian)

Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech'. Psikhologicheskie issledovaniia* [Cognition and speech. Psychological research]. Moscow; Leningrad, Social-Economic State Publ., 1934. 326 p. (In Russian)

Glazunova O. I. *Grammatika russkogo iazyka v uprazhneniakh i kommentariiakh. V 2 ch. Ch. 1. Morfologiia. 7-izd.* [Russian grammar in exercises and comments: In 2 parts. Part 1: Morphology]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2015. 424 p. (In Russian)

Glazunova O. I. *Grammatika russkogo iazyka v uprazhneniakh i kommentariiakh. V 2 ch. Ch. 2. Sintaksis. 3-e izd.* [Russian grammar in exercises and comments: In 2 parts. Part. 2: Syntax]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014. 416 p. (In Russian)

Glazunova O. I. Problema vybora i voprosy sochetaemosti edinitz iazyka v rechi (na primere eksplikatsii povyshennoi stepeni proiavlennii priznaka) [Problem of choice and collocations in language and speech (a case study of explication of highest degree of the attribute)]. *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Kognitivnoe modelirovanie v lingvistike. CML» v ramkakh Mezhdunarodnogo Kongressa po Iskusstvennomu intelektu (ICAI-2001) («Divnomorskoe», sentiabr' 2001 goda)* [Text processing and cognitive technologies. Proceedings of the international conference “Cognitive modeling in linguistics”. CML (Divnomorskoe, September 2001)]. Kazan, Otechestvo Publ., 2001, pp. 53–63. (In Russian)

Glazunova O. I. *Russkii iazyk i kul'tura rechi* [Russian language and standards of speech]. Izd. 2-e, ster. Moscow, Knorus Publ., 2015. 248 p. (In Russian)

Denisov P. N. *Leksika russkogo iazyka i printsipy ee opisanii* [Russian vocabulary and principles of its description]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1980. 252 p. (In Russian)

- Kolesnikova A. F. *Problemy obucheniia russkoi leksike* [Teaching Russian vocabulary]. Moscow, Publishing House "Russian Language", 1977. 80 p. (In Russian)
- Kuznetsova E. V. *Russkaia leksika kak sistema* [Russian vocabulary as a system]. Sverdlovsk, Ural Univ. Publ., 1980. 89 p. (In Russian)
- Litvin F. A. Sootnoshenie semanticheskogo i pragmaticheskogo v sodержanii slova [The correlation between semantic and pragmatic value in the content of a word]. *Problemy leksikologii* [Issues of lexicology]. Ed. by A. E. Suprun. Minsk, Belarusian State Univ. Publ., 1973, pp. 72–82. (In Russian)
- Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst». Semantika. Sintaksis* [Tentative theory of linguistic models "Meaning ↔ Text". Semantics. Syntax]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 346 p. (In Russian)
- Morkovkin V. V. *Opyt ideograficheskogo opisaniia leksiki* [Tentative ideographic analysis of the lexis]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977. 167 p. (In Russian)
- Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [A course of linguistic semantic]. 2-e izd., dop. i ispr. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2007. 819 p. (In Russian)
- Petrenko V. F. *Vvedenie v eksperimental'nuiu psikhosemantiku: issledovanie form reprezentatsii v obydenom soznanii* [Introduction into experimental psycho-semantics: Research of the representation forms in mind]. Moscow, Moscow State University Publ., 1983. 177 p. (In Russian)
- Slesareva I. P. *Problemy opisaniia i prepodavaniia russkoi leksiki* [Description and teaching Russian lexis]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 178 p. (In Russian)
- Slovar' sochetaemosti slov russkogo iazyka* [Russian collocation dictionary]. Ed. by P. N. Denisov, V. V. Morkovkin. 2-e izd., ispr. Moscow, Publishing House "Russian Language", 1983, 688 p. (In Russian)
- Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1985. 138 p. (In Russian)
- Toporov V. N. Vediiskii «veshchnyi» kosmos («Slova i veshchi»: iazyk kak istochnik rekonstruktsii mira veshchei) [Vedic "thing" cosmos ("Words and things": Language as a source of reconstruction of the world of things)]. *Toporov V. N. Issledovaniia po etimologii i semantike. T. 3: Indiiskie i iranskie iazyki. Kn. 1* [Research on etymology and semantics. Vol. 3: Indian and Iranian languages. Book 1]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2009, pp. 7–89. — (Opera etymologica. Zvuk i smysl). (In Russian)
- Tsvetkov N. B. K metodologii komponentnogo analiza [Towards the methodology of component analysis]. *Vestnik iazykoznaviia*, 1984, vol. 2, pp. 61–71. (In Russian)
- Shram A. N. Strukturnye tipy leksicheskikh znachenii slova [Structural types of lexical meaning of a word]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1981, no. 2, pp. 58–64. (In Russian)

For citation: Glazunova O. I. On the "Active Dictionary of Russian" and Description of the Language: Theory and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 121–133. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.211

Статья поступила в редакцию 12 мая 2015 г.,
рекомендована в печать 25 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Глазунова Ольга Игоревна — кандидат филологических наук, доцент; o.glazunova@spbu.ru
Glazunova Olga I. — PhD, Associate Professor; o.glazunova@spbu.ru